

Сколько бы ни длились приготовления, сколько бы раз ни репетировали втайне от чужих глаз, настоящее выступление всегда играло совсем по другим правилам.

Сы Вэй подскочил как ошпаренный:

— Разве нам не велели просто ждать за кулисами? — в панике спросил он. — Представление только началось, откуда здесь взялись гости?

Прибежавшая с вестью служанка растерялась, но тут же покачала головой:

— Разве мы вольны указывать господам? Матушка строго-настрого велела: как только принесут приглашение, сразу бежать к вам.

Справившись с волнением, Сы Вэй повернулся к Цзиньли и Цинлу:

— Госпожа, мне нужно спуститься и проверить, всё ли готово внизу.

Цзиньли удерживать его не стала. Она согласно кивнула и проводила взглядом Сы Вэя, который поспешно скрылся за ширмой.

Она поднялась с места. Пурпурные шелка её платья, выхваченные пламенем светильников, отбросили на прозрачную ширму мягкий алый отсвет. Наружу она так и не вышла, укрывшись за полупрозрачным шелком. Лишь слегка склонила голову, наблюдая за тем, как внизу, на залитых светом подмостках, босиком танцует Чуян, наряженная заморской плясуньей.

Чуян была той самой дебютанткой, на которую хозяйка Башни Весенней реки делала главную ставку в наступающем году. Впрочем, новичком в полном смысле слова назвать её было нельзя.

Обитательниц в заведении насчитывалось не так уж много. Те немногие, кто, подобно Цзиньли, владел собственным уединенным двориком, занимали вершину местной иерархии. Остальных же неизбежно делили на сословия и ранги.

К первому разряду относились те, кто сумел снискать милость старших сестёр. Они прислуживали им, перенимая тайны мастерства на правах учениц — такой была Цинлу.

Другие же — юные, пока ещё не замеченные именитыми наставницами, но одарённые редкой красотой и врождённым талантом к музыке или танцу — составляли иную категорию. К ним принадлежала Чуян.

После банкета в канун Нового года и Цинлу, и Чуюн должны были официально дебютировать, явив свои имена на дощечках у входа.

Лицо Цзиньли оставалось бесстрастным, не выдавая ни единой мысли.

Стоявшая позади Цинлу, прижимая к груди пипу, тревожно переступила с ноги на ногу и робко потянула госпожу за край платья:

— Госпожа...

Цзиньли вздрогнула, вырываясь из задумчивости, и мягко спросила:

— Страшно?

Девочка качнула головой:

— За себя — нет. Я только за вас беспокоюсь, госпожа.

Цзиньли едва заметно улыбнулась и тихо вздохнула:

— Глупышка.

Пока они вели этот тихий разговор, Сы Вэй, сломя голову нёсшийся по потайной лестнице, не мог позволить себе ни секунды покоя.

В своей прошлой жизни, будучи профессиональным фотографом, Сы Вэй повидал немало капризных клиентов. Он брался и за крупные корпоративные заказы, и за частную съёмку, пробуя себя в самых разных жанрах.

Проще всего давались современные фотосессии: декорации под рукой, с одеждой никаких хлопот. Чуть сложнее обстояло дело с косплеем, но и там любой, даже самый неудачный грим спасали правильно выставленный свет и последующая ретушь — главное, чтобы образ соответствовал канону.

Куда хлопотнее были исторические и мифологические проекты. Тут требовалось всё: воссоздать антураж, проработать костюмы, выверить каждый жест и взгляд модели. Порой фотографу самому приходилось вставать перед камерой, показывая нужную позу. Но на выходе обычно получалось несколько коротких роликов по пятнадцать секунд, которые легко монтировались. В таких съёмках утомлял не сам процесс, а бесконечная подготовка образов, способная довести до истерики любого визажиста.

Больше же всего Сы Вэй терпеть не мог малобюджетные веб-дорамы. Нелепые персонажи, аляповатый грим, вымученные диалоги и сценарии, написанные на коленке — зрелище не просто резало глаза, оно оскорбляло разум. Но хуже всего было то, что при малейшей нестыковке кадра со сценарием работу приходилось останавливать и раз за разом переснимать дубль, пока сцена наконец не складывалась как надо.

Впрочем, в этом крылось и единственное преимущество: на съёмочной площадке всегда оставалось право на ошибку. Можно было переснять сцену, провести ещё одну репетицию, подправить запись на монтаже.

А что делать здесь, когда всё происходит вживую?

Сейчас на кону стоял их общий с Цзиньли успех, и малейшая оплошность могла разрушить все планы. Если что-то пойдёт не так, второго шанса у него не будет.

«И что мне тогда делать? — мрачно подумал он. — Бегать по залу с палочкой и кричать зрителям "Обливиэйт"?»

Тем временем на сцене разворачивалось иное действо. Тёмно-алый подол платья Чуян взлетал в такт её движениям, очерчивая волнующие изгибы. Позолоченные цепочки на её тонких щиколотках тускло поблёскивали в полумраке зала, наполняя воздух пряным, дурманящим соблазном.

Крошечные бубенцы украшали её бедра, пояс, лиф, браслеты на предплечьях и тонкую шею. Они дрожали на подвеске у самого лба и покачивались на уголках прозрачной вуали. Их перезвон сливался с ритмичным рокотом бубнов и чистыми ударами колокольчиков, заставляя сердца гостей трепетать от сладкого томления.

Она манила взоры тонкими руками, изящно изгибающимися в танце, и стройными ногами, то и дело мелькавшими среди складок шёлка. В полумраке она казалась распутившимся цветком чёрной дурманящей датуры — прекрасным, гипнотическим и смертельно опасным. Каждое её движение дышало искушением, перед которым невозможно было устоять.

Громыхнул финальный удар барабана. Танцовщица замерла, прикрыв лицо ладонями, а затем неторопливо сняла скрывавшую её вуаль с тяжёлыми кистями. Она медленно подняла голову, устремив на зрителей томящий взгляд.

В зале повисла оглушительная тишина, которую тут же разорвал чей-то восторженный крик:

— Великолепно!

Чуян изящно поклонилась гостям, набросила на плечи лёгкое покрывало и поспешно скрылась за кулисами.

Сы Вэй, успевший за время её выступления ещё раз проверить все декорации внизу, мысленно выругался и взлетел по ступеням на второй этаж. Он проскользнул к опорной колонне прямо напротив ложи, выходящей на сцену.

Он до сантиметра знал размеры этого зала, расположение каждого светильника и силу их пламени. Полумрак идеально подходил для чувственного танца Чуян, но для благородного образа Цзиньли он стал бы помехой, лишив её выступление должного величия. Увы, в этом мире не стоило мечтать ни о прожекторах, ни о софтбоксах — тут даже крошечную неоновую лампу собрать было не из чего.

Законы физики неумолимы: при отражении и преломлении свет неизбежно теряет силу, и сфокусировать луч ярче самого источника невозможно. Выход оставался один — зажечь как можно больше светильников перед выходом Цзиньли, залив зал ослепительным сиянием.

Один за другим начали вспыхивать новые огни. Сверху медленно опустились полупрозрачные занавеси цвета бледного золота — чуть мягче и приглушённое классического шампанского. На шёлке едва угадывались очертания праздничного пира, выписанные полужидкой краской. В тёплых лучах свечей этот узор казался зыбким маревом, создавая ощущение волшебного сна.

Тишину прорезал протяжный, тоскливый вздох пипы. В ту же секунду из темноты раздались слаженные голоса остальных инструментов.

Перед затаившими дыхание зрителями словно развернулось грандиозное полотно эпохи Тан во всём её немыслимом блеске: пышные выезды правителей, золочёные веера и неземная, величественная красота придворных дам.

Сердце Сы Вэя бешено заколотилось. Всё шло в строгом соответствии с его планом, но тут он бросил взгляд на балюстраду второго этажа и похолодел: слуги, который должен был держать отражающий медный диск, нигде не было.

«На этих здешних служителей борделя положиться нельзя, — в ярости подумал он. — Правы люди: за звонкую монету и черти пляшут, а без денег и шагу никто не ступит!»

Согнувшись в три погибели, он бесшумно пролетел под окнами вип-лож, перехватил заготовленное бронзовое зеркало и поймал им луч света, направив его точно на подмости. И в то же мгновение на сцене появилась Цзиньли. Световой блик мягко лёг на её плечи.

В залитом свечами зале это пятно казалось незаметным, но именно благодаря ему кожа Цзиньли словно засияла изнутри благородной фарфоровой белизной, глаза заблестели, а парчовые одежды вспыхнули царственным великолепием. Её аура, величественная и недостижимая, мгновенно подчинила себе внимание толпы. В её осанке читалось истинное благородство, рождённое властью, и холодное, граничащее с презрением равнодушие ко всему земному.

Дробь пипы правила ритмом, чистый звон колокольчиков рассыпался искрами, переливы гуслей ткали узор, а глухой рокот цимбал держал основу. Музыка сплеталась в единое ошеломляющее целое, вознося напряжение в зале до предела.

Нравятся ли мужчинам похотливые девицы? Безусловно. Но прельщает их лишь доступная плоть. А как насчёт неприступной, парящей в облаках богини, которая даже не смотрит на смертных? О, её они боготворят ещё неистовее. Ибо жаждут одного — покорить её, сломить эту гордость.

Такова уж порочная мужская натура: звать блудницу к праведной жизни и одновременно мечтать столкнуть в грязь чистую невинность. Чем недостижимее плод, тем сильнее вожделение.

Сы Вэй невольно вспомнил, как Цзиньли однажды спросила его:

— С чего ты взял, будто этот танец хмельной Драгоценной наложницы Ян поможет мне вернуть былую славу в Башне Весенней реки?

Он тогда ответил просто:

— Мужчины любят не саму женщину. Они любят собственные фантазии о ней.

Цзиньли тогда лишь покачала головой и легонько щелкнула его по лбу:

— И откуда в тебе это? Девчонка совсем, а толкуешь о таком без тени смущения!

Полностью поглощённый сценой, Сы Вэй не замечал, что из полуоткрытого окна ложи, под которой он только что прополз, за ним внимательно наблюдают. Откинувшись на спинку резного кресла, некий господин с любопытством разглядывал его фигуру.

Из-за тяжёлой портьеры бесшумно скользнул молодой человек. В его осанке угадывалась безупречная выправка благородного наследника, а тонкие черты лица дышали мягким спокойствием.

— Господин, всё чисто, — негромко доложил он. — Никакой угрозы.

Цинь Чжэн усмехнулся и небрежно махнул рукой:

— Вот видите. А ты твердил, что я неосторожен. Ступайте отдыхать.

Слуги, которые только что переворачивали постель и проверяли курильницу на наличие яда,

вернули всё на свои места, молча поклонились и заняли посты у дверей.

Сяо И вздохнул, снял с жаровни тёплый чайник и перевернул две чаши на подносе.

— Бережёного бог бережёт, — проговорил он, наливая чай. — Уезд Цзю — глушь несусветная, но тот, кто сумел заранее раздобыть это приглашение, вызнал ваши намерения и раскрыл тайное имя... точно не из простых людей.

Струйка чая с тихим журчанием наполнила чашу. Сяо И протянул её Цинь Чжэну.

— Случись с вами что, мне и десяти жизней не хватит, чтобы искупить вину перед Его Величеством.

Цинь Чжэн принял чашу и вальяжно откинулся на спинку кресла. Его дорожная накидка соскользнула на подлокотник. Чай в чаше слегка колыхнулся, но ни одна капля не упала на пол. На лице принца отразилась привычная скука.

— Очевидно, во дворце опять завелась крыса, — лениво отозвался он. — А неизвестный доброжелатель решил выслужиться и таким образом предупредил меня о слежке.

Цинь Чжэн прищурился, глядя на колышущийся пар от чая.

— Будь у него дурные намерения, он прислал бы не пригласительный билет на банкет в канун Нового года в Башню Весенней реки, а ночных убийц с обнажёнными клинками.

Сяо И подошёл ближе к окну. Его взгляд скользнул по тёмному коридору и замер на Сы Вэе, который, затаив дыхание, направлял медное зеркало на сцену.

— И всё же, — понизив голос до шёпота, спросил Сяо И, — зачем нам нужно было лично являться в Башню Весенней реки?